ПРЕДИСЛОВИЕ

«Любовь сильнее смерти и страха смерти.
Только ею, только любовью держится
и движется жизнь».
И.С. Тургенев

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ РОМАН О ЛЮБВИ

Тургенев и Савина.... Их чувства сверкнули ярким, но, увы, коротким фейерверком. Он – прославленный писатель с мировым именем. Она – блистательная актриса Александринского театра. Они встретились в Петербурге в 1879 году на представлении его пьесы «Месяц в деревне», где Савина великолепно сыграла роль Верочки. Восторженный Тургенев осыпал актрису комплиментами: «Верочка, я даже не обращал на неё внимания, когда писал.... Вы живая Верочка.... Какой у Вас большой талант!»

Савина была счастлива. С этого дня началась их дружба, о которой она всю жизнь вспоминала с благоговейной нежностью. Тургенев писал ей восторженные письма. «Я почувствовал, что вы стали в моей жизни чем-то таким, с которым я уже никогда не расстанусь..». В день рождения Марии Гавриловны он дарит ей золотой браслет, на внутренней стороне которого выгравировано: «М. Г. Савиной от И. С. Тургенева».

Этот роман длился не более трёх лет, но если суммировать дни, когда они могли хотя бы видеть друг друга, не наберётся и месяца. Для Тургенева это было «последним путешествием сердца» в прошлое. «..вся Ваша жизнь впереди, – писал он ей, – моя позади – и этот час, проведённый в вагоне, когда я чувствовал себя чуть ли не двадцатилетним юношей, был последней вспышкой лампады. ...Мне глубоко жаль, что этот прелестный миг потерян навсегда...»

Грустно. Однако остались их письма, воспоминания, роли, сыгранные Савиной

по пьесам и художественным произведениям Тургенева, и Спасское, где они гуляли по тихим аллеям в лето 1881 года, где Тургенев читал ей стихи о любви, где устроил праздник в честь приезда дорогой гостьи.

Незаконченный роман о любви... Дружба двух великих людей искусства, Тургенева и Савиной, нашла своё продолжение в тонкой чувственной лирике известного на Орловщине поэта, музыканта-песенника Виктора Садовского.

Л. М. КОНДРАШОВА –
старший научный сотрудник
музея-усадьбы И. С. Тургенева
Спасское-Лутовиново

(ВМЕСТО ПРОЛОГА)

Экскурсоводу

Я поклонился дубу гения,
я слушал голос Ваш прелестный:
Вы были вся в плену Тургенева,
ему слагающая песню.
Вы вспоминали были-небыли,
витали в мире нереальном.
Меня в том мире точно не было
ни в бренном теле, ни в астральном.
Но я мечтал в тени имения:
Ночь,
дом большой, закрытый ставнями,
где я – не я: Иван Тургенев я,
а Вы – мой гость: Мария Савина.

I. КУПАЛЬСКАЯ НОЧЬ

1.

Июльская ночь
жемчуга разбросала,
дохнув ароматами трав луговых.
Хозяин гостей приглашает из залы
под звёздный шатёр,
да не выманишь их:
кто занят пасьянсом,
кто полкою книжной.
Кто пешку мечтает увидеть ферзём...
Навязывать гостю прогулку –
излишне,
Тургенев и Савина вышли вдвоём.

В зените луна.
Серебристые стрелы
на травах в лугах зажигают росу.
Усадебный дом
словно выбелен мелом.
Не часто увидишь такую красу.
Бог мой!
Что за чудная музыка это –
симфония летних ночных голосов!
Творец,
несомненно, быть должен поэтом,
наш мир созидая из музыки слов.
И первое слово, что было вначале,
зерно, из которого жизнь проросла,
звучало надеждой,
как песня звучало,
которая к свету из мрака вела.
Мелодию жизни из каждой былинки
любовь извлекает волшебным смычком.
Звенят в тишине pizzicato[1] – росинки,
в траве рассыпаясь кристальным дождём.
В разлапистом ельнике филин заухал.
Завыли собаки в крестьянских дворах.
Храп барских коней долетает до слуха.
Невольно в душе зарождается страх.

---

[1] *Пиццикато* (итал.) – муз. термин, для обозначения игры на струнах щипком.

2.

Они идут по липовой аллее,
как будто неземные существа.
Огромная колышется над нею
его, как лунь седая, голова.
Рука – в руке,
в ладонище – ладошка.
Два взгляда: сверху вниз и снизу вверх.
И покрывает Спасские дорожки
густой туман, как первый чистый снег.
Они наивно мысли направляют
на заурядный светский разговор.
Но их сердца вдруг крылья обретают
и словно птицы рвутся на простор.
В Эдемский сад идут Адам и Ева,
где сладкий плод на яблоне висит
и хитрый змий,
обвивший ветку древа,
уже крамолу нежную шипит.
Кто переступит первым
грань запрета
и яблока отважится вкусить?
Известен всем сюжет ветхозаветный,
но мы не будем время торопить.
Есть впереди две тёмных томных ночи,
два светлых дня,
две вечности у них.
И ничего плохого не пророчит
угрюмый филин в зарослях густых.
Они плывут по липовой аллее.
Течёт по небу звёздная река.
И мир вокруг становится добрее,
их светлых душ коснувшийся слегка.

3.

– Мария Гавриловна, ангел вы мой,
от Вас ничего мне, по сути, не надо.
Вы – капелька масла, чтоб жизни лампада
горела ещё над моей головой.
Я близок к закату, морщинист и сед,
но Вы оживили забытые чувства.
И в сердце остывшем, где было так пусто,
Волнуется кровь, как в мои двадцать лет.
Нет-нет, не подумайте!
Я не о том, чем можно обидеть ранимую
душу:
мне только бы видеть Вас,
только бы слушать,
хмелеть, упиваясь общенья вином.
Мария Гавриловна,
милый мой друг,
давайте-ка,
спустимся
тропочкой к пруду.
Я Вам подарю это Спасское чудо,
его называть Вашим именем буду
и помнить тепло этих женственных рук.

– Спасибо,
добрейший Вы мой великан!
Я, право, не стою подарка такого... –
И под руку взяв человека большого,
Она увлекла его в белый туман.

4.

Его вдруг горячей волной окатило.
Он силился сдерживать натиск волны,
но лодку швыряло
и вдаль уносило,
и чувства их были как ветер вольны.
– Мария Гавриловна...
Машенька...
Маша... –
Она приложила свой палец к губам:
– Молчите!
Сегодня – русалка я Ваша.
Купальская ночь
предназначена нам.
Входите в мой пруд,
будем славить Природу.
Зарю, как язычники, встретим вдвоём...

Луна белой птицей
спустилась на воду,
их тени накрыв серебристым крылом.

II. «... ТОЛЬКО ЛЮБОВЬЮ…»

В селе проснулись петухи.
За окнами светает,
а Мастер дивные стихи,
раскрыв тетрадь, читает.
Из тайников его души
слова в молитвенной тиши
плывут, подобно грёзам:
«...как хороши, как хороши,
как свежи были розы!»
«Деревня», «Воробей»,
«Христос»... –
венок шипов и нежных роз...
чарующие звуки!
Она, сдержать не в силах слёз,
протягивает руки:
– Иван Сергеевич, Вы – Бог!
Вы, несомненно, гений,
шагнувший мыслью за порог
высоких откровений.
Для Вас доступна глубина
пророческого слова.
И жизнь, и смерть – судьба одна!
Любовь меж ними вплетена,
Она – всему основа.
Смерть нити крепкие снуёт
и расставляет сети;
любовь к спасению ведёт,
она сильнее смерти.

– Да, только ею, милый друг,
любовью, только ею,
приводится в движенье круг,
в котором речка есть и луг,
деревня, где поёт петух,
где я без Вас старею. –
Тургенев отложил тетрадь,
и, взяв актрисы руку,
своих волос пригладил прядь.
Она в ответ – ни звука!
Прижалась вспыхнувшей щекой
к его груди широкой.
И всё заполнила собой,
как заполняют пруд весной
живой воды потоки.

III. ЗЫБКИЕ ГРАНИ

1.

Мысли – как осы.
Жалят – так остро!
Каждая в сердце –
жгучая боль!
Наземь повалены
в молодость вёрсты.
Разница в возрасте – едкая соль!
«Боже,
зачем же ты стёр эти грани,
что не давали приблизиться мне
к плоду запретному, даже в тумане,
даже в сладчайшем предутреннем сне?

Бедное сердце рвётся на части...
. . . . . .
Ради минуты безмерного счастья
бросился в этот манящий огонь.
Впрочем, зачем я противлюсь природе?!
Годы как вёрсты, но дело не в них.
Просто, скажи себе: «Я старомоден,
дружба мужчины и женщины – миф!»
Чувство любви нам даруется свыше.
Значит, не вправе я сердце казнить,
если под этой цветущею вишней
корню усталому хочется жить...»

2.

В комнате Савиной окна зашторены.
Запах духов ароматных висит.
Руки и волосы – в разные стороны.
Гостья с блаженной улыбкою спит.
Душу её не терзают сомнения.
Что наша жизнь?
Пролетающий миг.
Словно «богиня» ваятеля гения,
спит, отдыхая от дел неземных.

Нежные щёки румянцем украшены.
Дышит, вздымаясь, белая грудь...
Спасские ночи, легендою ставшие,
им никогда уже вас не вернуть.

3.

Холодное утро туманное.
Туманный ответ на вопрос.
Разлука «с улыбкою странною»,
без нежных объятий и слёз.
В потухших глазах – равнодушие...
Свистит паровозный гудок.
И от поцелуя воздушного
холодный струится дымок....

Уехала, славой увенчана.
Оставила на сердце боль,
сыграв в мелодраме
«Тургенев и женщины»
свою гениальную роль.

(ВМЕСТО ЭПИЛОГА)

В старинный парк, волнуясь, захожу.
Кричат грачи над самой головою.
И от ограды шустрый майский жук
ведёт меня по тропке за собою.

В густой тени деревьев вековых
стоят снопы полуденного солнца.
И бабочки сверкают среди них,
и редких паутинок волоконца.

А как свежо!
Ведь в кои веки я
дышу так вольно, чисто и пьяняще
и упиваюсь трелью соловья,
что ручейком звенит в зелёной
чаще.

Я ухожу от пруда не спеша.
Ещё дымится влажная тропинка.
И кажется: очистилась душа,
как под дождём зелёная травинка.